

НАСЛЕДНИК СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ОН ВЕРНУЛСЯ.
ЕГО МЕСТО ЗАНЯТО.

АРТЕМ САВЕНКОВ

16+

Артем Савенков

Наследник собственной жизни

«Автор»

2026

Савенков А.

Наследник собственной жизни / А. Савенков — «Автор», 2026

Илья Воронцов умер. Проблемы начались, когда его вернули к жизни. Жена уже обняла мужа. Дочь уже слышала его голос. Другой Илья проснулся на четыре часа раньше — с тем же лицом, той же любовью и правом считать эту семью своей. А тому, кто вернулся следом, достались больничный браслет, временная комната и семь дней до суда. Один помнит, как разрешил опасное испытание. Другой уверен, что отказался. Между двумя воспоминаниями — железнодорожная катастрофа, десятки погибших и люди, которым выгодно, чтобы правда навсегда осталась вопросом памяти. Пока суд решает, кому достанется прежнее имя, Илья ищет доказательства — и всё сильнее боится их найти. Как вернуться к дочери, если у неё уже есть папа? Как узнать себя в человеке, который совершил непоправимое? И можно ли начать жизнь заново, когда за твоё прошлое приходится отвечать двоим?

© Савенков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
1. Пробуждение	9
2. Голос из квартиры	13
3. Сто шестьдесят восемь часов	15
4. Разрешение	18
5. Второе место за столом	22
6. Две подписи	26
7. Первый вернувшийся	29
8. Подозреваемый	32
Часть вторая	35
9. Цена возвращения	36
10. Отказ, которого не было	39
11. Рабочий день Веры	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Артем Савенков

Наследник собственной жизни

Артем Савенков

Наследник собственной жизни

Роман

Пролог

За три минуты до катастрофы Тамара Никитична подумала о мокром белье. Утром она развесила его на застеклённом балконе, а форточку закрыть забыла. Теперь дождь шёл почти горизонтально. По ту сторону поездного стекла огни промзоны расплывались, будто их стирали ладонью.

В восьмом вагоне что-то ударило под полом. Негромко — как если бы в соседней квартире уронили связку ключей. Стакан у локтя дрогнул, и в пустом служебном тамбуре погас свет.

Тамара Никитична взяла фонарь. Поезд новый, демонстрационный, начальство только днём фотографировалось у красного контейнера с буквами «МНЕМА». Ей объяснили: теперь архивировать пассажиров можно непосредственно в дороге. Она спросила, нельзя ли заодно заставить нормально работать сушилку в туалете. Представитель компании не понял, что это была шутка.

Из вагона вышел мальчик в жёлтой толстовке.

— У вас вода есть?

— А где взрослые твои?

— Мама спит. У меня зарядка за сиденье упала.

Он держал в руках бутылку, сжатую посередине. Тамара Никитична хотела отправить его назад, но под ногами опять толкнулось, уже ощутимее. Где-то за стенкой завизжал вентилятор.

— Постой здесь.

Дверь в служебный отсек не открылась. На панели горел значок блокировки, хотя она ничего не блокировала. От щели потянуло горячей пластмассой.

Тамара Никитична нажала связь с начальником поезда. Ответа не было. Она нажала ещё раз, рассердившись прежде, чем испугаться.

Из соседнего тамбура появился пассажир в серой куртке. Она помнила его: сидел один, без багажа, попросил место у прохода. Сейчас рукав на его левой руке был обёрнут мокрой салфеткой.

— Почему ребёнок здесь? — спросил он.

— Сейчас отведу. Дверь вот...

Пассажир прикоснулся к панели своим рабочим браслетом. Защёлка щёлкнула, но полотно сдвинулось только на ладонь.

Он заглянул в щель. Из красного контейнера, закреплённого за дверью, валил тонкий дым. Возле него стоял мужчина в форменной жилетке, присевший так низко, будто искал что-то на полу.

— Коровин! Отойди от питания!

Тот поднял лицо. Чёрная полоса проходила от рта к виску.

— Оно обратно пошло! Я шлюз снял, а оно...

Поезд дёрнуло. Мальчик вцепился Тамаре Никитичне в локоть. Она вдруг вспомнила, что не знает, в какую сторону от них сидят его родители.

На экране возле двери появилось окно. Белый текст на красном фоне; внизу — фамилия пассажира, прижавшегося плечом к створке.

ВОРОНЦОВ ИЛЬЯ ВИКТОРОВИЧ.

— Я же отказался, — сказал он негромко.

Мужчина в жилетке что-то ответил. За визгом вентилятора слов не было слышно.

Воронцов высвободил руку, заговорил с кем-то через браслет:

— Полина Сергеевна? Это Воронцов. Вы слышите? Сохраните запись до процедуры. Не ту, которая... Нет, послушайте. Здесь моя подпись.

Он замолчал, выслушивая ответ. Тамара Никитична смотрела на его пальцы. Они побелели на металлическом крае двери.

— Я не знаю, что помню, — сказал он.

Тогда Тамара Никитична испугалась по-настоящему. Поезд шёл слишком быстро, а взрослый мужчина рядом произнёс это с таким удивлением, словно обнаружил у себя на груди чужую руку.

— Возвращаемся в вагон, — сказала она мальчику. — Иди за мной.

Но дверь позади уже тоже не открывалась.

Коровин вытащил из-под контейнера толстый чёрный кабель. Сухое треснуло, на мгновение весь отсек стал белым. Пассажир отпрянул; мокрая салфетка упала с его руки. На запястье виднелся ожог.

— Зачем вы это сделали? — закричала Тамара Никитична.

Коровин не ответил. Он смотрел на погасшие индикаторы. По лицу у него текло что-то тёмное.

Первое сиденье сдвинулось к стеклу. Не откинулось, не сломалось — просто поехало, точно его поставили на лёд. В соседнем вагоне закричали.

Пассажир ударил ладонью по аварийной панели, подхватил мальчика под мышки и толкнул в открывшийся проход.

— Ловите!

Тамара Никитична успела обнять ребёнка. Фонарь вылетел у неё из руки и остался висеть в воздухе, освещая снизу мужское лицо. Потом свет повернулся, потолок оказался сбоку, и на несколько долгих секунд всё, что до этого имело вес, потеряло его.

Бельё на балконе намокло. Когда через две недели Тамара Никитична вернулась домой, оно всё ещё висело там.

Часть первая

Чужой дома

1. Пробуждение

Первым вернулся вкус железа. Илья попробовал провести языком по внутренней стороне щеки и не нашёл старой неровности: два года назад прикусил её, когда Соня во время завтрака сообщила, что собирается выйти замуж за мальчика, умеющего складывать журавликов одной рукой.

Неровности не было. Зуб, который с февраля реагировал на холодное, тоже молчал.

— Илья Викторович, не торопитесь открывать глаза.

Он уже открыл. Потолок был молочный, без светильников. На нём медленно проступал рисунок веток, как тени от дерева за окном. Илья различил повтор: одна и та же птица с одинаковым наклоном головы появлялась каждые семь секунд.

— Где я?

Голос показался собственным, только слишком чистым. По утрам он обычно слегка хрипел.

Женщина справа придвинулась. Короткие тёмные волосы, маленькая родинка у брови, рукава безукоризненно белого халата закатаны неровно. Левый выше правого.

Он узнал её раньше, чем прочитал имя.

— Полина Сергеевна?

— Да. Вы в отделении восстановления. Мы познакомились вчера.

Вчера. Стол у окна. На столе пластиковый стакан с остывшим кофе. Он вертел его, и от стенки отделялся полупрозрачный ободок. Врач просила назвать дату рождения дочери. Он ответил и зачем-то добавил, что Соня появилась на свет в пятницу, хотя Вера уверяла, что в субботу: часы в родильном зале спешили.

— Процедуру сделали?

Полина на секунду опустила глаза к его руке. На запястье был мягкий браслет цвета овсяной каши.

— Сейчас другое. Назовите последнее событие, которое помните достаточно ясно.

— Мы сидели у вас.

— Что было перед этим?

Воспоминание приблизилось без усилия: дверца служебного лифта, на которой кто-то нарисовал ключом рыбку; Коровин, торопливо прячущий телефон; собственная ладонь на сенсорном поле. Илья убрал руку под одеяло.

— Работа. Потом приехал сюда.

— Какое время показывали часы?

Он видел цифры. Семнадцать тридцать восемь. Ему нужно было успеть на поезд, а врач говорила, что после процедуры желательно не садиться за руль. На поезде можно.

— Около шести.

Полина кивнула. На экране у неё возникла строка, которую он успел прочесть вверх ногами: «17:40:12». Ниже стояло «самоидентификация сохранна».

— Илья Викторович, вчера в двадцать два семнадцать произошла авария на Южном обходе. Вы находились в составе поезда. Ваше исходное тело погибло.

Он посмотрел на неё, ожидая продолжения фразы. Исходное тело. Полина сказала это тем же голосом, каким сообщила бы, что его куртку сдали в гардероб.

— Я не сел ещё, — сказал он.

— Это за пределами вашей записи.

Птица на потолке снова наклонила голову.

— Что с Верой?

— Она не ехала с вами. Ваша жена и дочь в безопасности.

Ему захотелось спросить о матери, потом о поезде, потом о том, сколько длилась смерть. Вместо этого он спросил:

— Почему я ничего не помню?

— Мы использовали сохранение, созданное до поездки.

О технологии он знал достаточно, чтобы не задавать глупых вопросов. Раз в полгода проходил сканирование по рабочему договору, ставил галочки, подшучивал над техникой. Биологическую основу для нового тела готовили заранее; сохранённую память переносили при активации. Именно так, в двух строчках, это объясняла памятка, которую он почти не читал. Смерть стояла в конце рекламной цепочки, после страхового случая и периода ожидания. Она никогда не стояла рядом с его именем.

Илья сел. Комната качнулась. На коленях лежали две бледные кисти без пореза у большого пальца. Вчера он порезался об упаковочную ленту. Проверил ещё раз — нет.

— Не вставайте, — сказала Полина.

Он всё-таки поставил ноги на пол. Холод от покрытия прошёл вверх слишком быстро. Илья хотел почувствовать простое сопротивление собственного веса, но пол словно оказался немного ниже ожидаемого. Пришлось ухватиться за край кровати. Полина подставила руку, он резко отстранился и тут же понял, что зря.

— Я сам.

— Можете сами. Только сначала посидите с опущенными ногами.

Она не пыталась уложить обратно. Ждала, пока он перестанет сжимать матрас. У Ильи было ощущение, что его застали за какой-то детской беспомощностью. Раньше он умел встать с любой кровати, не обсуждая, как поставит пятку.

В углу стояло небольшое зеркало, пока повернутое к стене. Он указал на него. Полина спросила, готов ли посмотреть. Вопрос рассердил: на что тут можно быть не готовым? Через секунду стало ясно — на собственное лицо, которое увидишь после сообщения, что оно новое.

Он кивнул. Врач повернула зеркало. Илья сперва заметил ухо, потом линию волос, подбородок. Обычный человек его возраста, чуть отёкший, с усталым взглядом. На плече отсутствовала маленькая коричневая родинка, которую Вера однажды хотела показать дерматологу. Он машинально потрогал это место. Врач объяснила, что незначимые приобретённые особенности не воспроизводятся сами по себе, а реконструктивные пожелания обсуждают позднее.

— Значит, можно заказать? — спросил он.

— Некоторые. После адаптации.

Он представил, как приносит список шрамов и отметин, чтобы дома легче узнали. Ему стало стыдно за этот список. Вера никогда не просила его стать ровнее, моложе или симметричнее. Мог бы вернуть именно то, на что она прежде не обращала внимания.

Илья провёл ладонью по груди. Сердце билось. Негромко, быстро, вполне обычно. Ему стало страшно от возможности услышать в этом механическую ровность, хотя никакой ровности не было. Он задержал дыхание; пульс чуть ускорился. Выпустил воздух, ощутив, как дрожит нижняя губа.

— Я сейчас умру? — спросил он совсем другим голосом.

Полина села ближе, не касаясь.

— По текущему состоянию такой угрозы нет. Вы испугались. Организм реагирует.

Она не сказала «вы уже умерли». Скажи она это, он мог бы её возненавидеть. Предложила называть видимые предметы. стакан. Дверь. Окно. Руки. На последнем слове он сбился, потому что хотел добавить «мои» и не смог сразу произнести.

За стеной кто-то рассмеялся, затем закашлялся. Из коридора донеслось раздражённое: «Не торопитесь, мы вместе дойдём». В других комнатах тоже возвращались люди. Один смеялся, другой не мог нормально идти. Илья прислушался. За стеной жили, неловко и шумно, и ему немного полегчало.

Он снова сел на кровать. Полина повернула зеркало чуть в сторону, оставив возможность посмотреть, но не заставляя постоянно встречаться с отражением.

— Можно попить?

Вода пахла пластиком от стакана. Он пил слишком жадно, закашлялся и пролил на одеяло. Полина промокнула ткань, не произнося успокаивающих слов. Илья наконец сумел вдохнуть глубоко. Телу было неприятно, страшно, хотелось пить. Вопросы ненадолго отступили.

— Мне надо позвонить.

— Сейчас принесут терминал.

— У вас есть.

Он кивнул на её планшет. Врач перевернула его экраном вниз.

— Сначала адаптационная проба.

Проба состояла из нескольких нелепых действий. Дотронуться до кончика носа. Сжать пальцы. Рассказать, как пройти от остановки к дому. Илья объяснял про аптеку на углу и испытывал злость на себя за то, что подчиняется. У аптеки второй год меняли вывеску, а он каждый раз говорил «у зелёного креста», хотя крест давно стал синим.

— Жена не знает? — спросил он.

Полина сняла с его пальца датчик.

— Её уведомили о восстановлении.

— Тогда почему её нет?

В дверь постучали. Молодая медсестра внесла одежду в прозрачном пакете и маленький терминал. На её халате был приколот значок: жёлтый утёнок с сердитым лицом.

— Добрый день, Илья Викторович. С возвращением.

Поздравление оказалось хуже любого соболезнования. Он чуть не сказал ей, что никуда не уходил, но в пакете лежали чужие трусы, и от этого простого обстоятельства у него свело горло.

— Я выйду на минуту, — сказала Полина медсестре. — Оставайтесь до завершения проверки доступа.

Она задержалась у двери, словно хотела добавить что-то личное. Не добавила.

Илья провёл большим пальцем по терминалу. Тот узнал его сразу, даже прежде, чем он вспомнил пароль. Появилась фотография Сони с куском арбуза у подбородка. Три непрочитанных сообщения от Веры. Они пришли вчера, но для него тот день ещё не закончился.

Поверх фотографии развернулась красная полоса.

КОНФЛИКТ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ. ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

Медсестра увидела и быстро прикоснулась к своему браслету.

— Сейчас администратор поправит.

— Что это значит?

— Бывает задержка синхронизации. После такой аварии...

Она говорила охотно, пока не встретила с ним взглядом.

— Сколько человек?

— Простите?

— Погибло.

Она покрутила сердитого утёнка.

— Официальные сведения вам сообщит врач.

За окном было светло. Он только сейчас заметил узкое настоящее окно между двумя панелями: за ним качалась ветка тополя, неровная, неповторяющаяся. Значит, полдень. Вера могла быть на работе. Соня — в школе. Жизнь не остановилась, пока он был мёртв.

— Откройте звонок, — попросил Илья. — Хоть аудио.

Медсестра ввела код. Красная полоса свернулась, оставив возле его фамилии маленькую цифру два.

— Она, наверное, обрадуется, — сказал он, глядя на фотографию дочери.

Медсестра застыла.

— Конечно.

— Вы ей звонили?

— Нет. Другому отделению... — Она замолчала. — Вас утром уведомляли. То есть её. Вашу супругу уже уведомляли утром.

— Я проснулся сейчас.

Медсестра повернулась к двери, но он успел увидеть её лицо. Улыбка исчезла, губы приоткрылись. Медсестра явно поняла что-то, чего ему ещё не сказали.

Терминал разрешил вызов.

2. Голос из квартиры

Вера ответила со второго сигнала. Илья увидел угол кухонного шкафа, облупленную кромку, которую давно обещал заклеить. У жены за ухом торчала прядь. Она всегда злилась, когда он поправлял её перед камерой.

Он улыбнулся. Улыбка появилась сама, прежде, чем он подумал, что сказать.

— Вер.

Она молчала.

— Со мной всё нормально. Я здесь... Мне объяснили. Ты только не пугайся.

Вера перевела взгляд куда-то рядом с экраном. В её лице ничего не дрогнуло. Это было странно: на любое облегчение она реагировала движением рта, будто хотела спрятать улыбку от того, кто заставил её волноваться.

— Кто вам дал этот номер?

Он даже засмеялся.

— Что?

— Кто вам дал номер?

— Вера, это я.

Откуда-то из квартиры донеслось знакомое покашливание. Илья хотел сказать: выключи телевизор, я тебя плохо слышу. Потом в кадр вошёл мужчина, поставил кружку возле Вериного локтя и наклонился посмотреть на экран.

У мужчины было его лицо.

Его собственное, каким оно получалось в зеркале гостиничной ванной при слишком белом свете. Только на этом лице не было удивления. Оно успело испугаться раньше.

— Выключи, — сказал мужчина Вере.

Голос был тот же. Илья слышал свой голос на записи и всегда находил его выше, чем ожидал. Теперь он шёл из чужой кухни, и от этого у Ильи сжался живот.

— Отойди от неё.

Мужчина выпрямился.

— Кто вы такой?

— Вера, отойди от него. Позови Соню и выйдите.

Вера медленно положила ладонь поверх терминала, будто могла закрыть рукой человека на другой стороне.

— Илья, — сказала она.

— Что? — ответили оба.

В коридоре хлопнула дверь. Из глубины квартиры послышалось:

— Мам, где зарядка от маленькой отвёртки?

— Соня, побудь в комнате.

— Я только...

— В комнате, пожалуйста.

Илья привстал с кровати. Колени подогнулись, и он вцепился в край матраса.

— Послушай меня. Мы были летом в Листвянке. Ты уронила серьгу на причале. Я нырнул, потом мы нашли её у тебя в кармане. Никому об этом не рассказывали.

Чужой мужчина закрыл глаза.

— Перестань.

— Мы познакомились у травмпункта, ты дала мне бахилы, потому что я...

— Потому что ты пришёл с занозой, а сказал, что порезал сухожилие, — произнёс другой.
— Хватит.

Вера села. Кружка стояла слишком близко к краю; Илья автоматически хотел её подвинуть. Тот на экране сделал это за него.

В груди возникла медленная холодная боль. Ревность была бы понятнее. Он ревновал раньше, знал её неловкую тяжесть, но сейчас видел, как кто-то без усилия занимает место его руки, его голоса, его привычки беречь чашку от падения.

— Это записи, — сказал он. — Можно собрать. Из сообщений. Из домашних камер.

— Я тоже так думаю, — ответил другой.

Потом оба заговорили одновременно. Илья требовал вызвать полицию, мужчина — службу проверки. Вера слушала, не поворачивая головы. Из коридора опять высунулась Соня. Её макушка на мгновение появилась у дверного косяка.

— Пуговица, не подходи, — сказал Илья.

На экране мужчина сказал то же самое.

Соня шагнула в кухню. Вера резко встала, заслонила её, но было поздно: девочка увидела терминал.

— Пап?

Вопрос прозвучал без адреса. Илья никогда не думал, что такое возможно.

— Я сейчас приеду, — сказал он. — Соня, всё хорошо, только...

— Никуда вы не приедете, — произнесла Вера.

Он замолчал. Она всегда говорила тише, когда была по-настоящему сердита. Перед ним, умершим и вернувшимся мужем, стояла жена, готовая защищать дочь от него.

— Мне нужно связаться с клиникой. Оставайтесь там. Оба.

— Я дома, — сказал мужчина у неё за спиной.

— Тогда оставайся дома.

Экран погас.

Илья ещё несколько секунд смотрел на своё отражение в чёрном стекле. Лицо не успело стать знакомым. Он поднял левую руку; отражение подняло правую. Он повторил движение. Всё ещё хотелось найти разницу.

В палату вошли Полина и мужчина в тёмно-зелёном жилете. У мужчины на груди висел знак реестра, похожий на две незамкнутые скобки.

— Вы поговорили? — спросила Полина.

— Кто это?

Мужчина в жилете представился: Сергей Леонидович Астахов, региональный регистратор преюмственности. Поставил рядом с кроватью стул и сел слишком осторожно, как будто больным был он.

— Илья Викторович, обнаружено наложение двух действительных разрешений на восстановление одной гражданской личности. Ваша активация подлинная.

Илья ждал.

— Подлинность второй тоже подтверждена.

Полина стояла у окна. В отражении настоящая ветка проходила по её лицу.

— Я хочу домой, — сказал Илья.

Астахов сцепил пальцы и посмотрел на них.

— Нам придётся сначала обсудить, что в этой ситуации означает «домой».

3. Сто шестьдесят восемь часов

Регистратор раскрыл на терминале схему, но Илья попросил убрать её. На схеме два прямоугольника выходили из одного круга. Один прямоугольник был зелёным, другой жёлтым. Жёлтым обозначили его.

— Цвета ничего не решают, — сказал Астахов.

— Поменяйте.

Астахов посмотрел на Полину, потом поменял. Илья почувствовал себя идиотом и всё равно испытал облегчение.

Ему объяснили, что никакого приговора сейчас нет. В восемь десять утра в центральном отделении активировали запись, полученную из поезда. В полдень здесь, в северном корпусе, использовали контрольное сохранение. После подтверждения возник конфликт. Астахов про-износил «использовали» и «возник» так, будто разрешения лежали на столе и сами выползли из конвертов.

— У вас один номер гражданской преемственности, — сказал он. — Два действующих тела. Временный режим рассчитан на сто шестьдесят восемь часов. В следующий понедельник в девять тридцать начнётся слушание. До двенадцати суд либо разрешит основной вопрос, либо продлит обеспечительные меры.

— Чей основной вопрос?

— Кто продолжает прежнюю гражданскую личность. Имущество, профессиональные полномочия, договоры. Брачная регистрация тоже связана с номером, однако согласие супруги...

— Моя жена не договор.

Астахов поднял глаза.

— Поэтому я и говорю о её согласии.

Илья отвернулся. За дверью прокатили тележку. Одно колесо стучало: тук, тук, тук, потом пауза на мягком покрытии. От этого звука вспомнился больничный коридор, где он однажды ждал Веру после смены. Она вышла злая и голодная, с полосой от маски на переносице. Купили пирожки у закрывающегося киоска. Он обжёг язык, она смеялась. Всё это было его. Он мог почувствовать вкус тех пирожков точнее, чем лежавшую сейчас на языке безвкусную таблетку, которую дала Полина.

— А второй?

— Получит отдельную регистрацию, — сказал Астахов. — Базовые права сохраняются. Никто не будет прекращать вашу жизнь из-за имущественного конфликта.

До этой фразы Илья об этом не думал. После неё мысль появилась и осталась.

— Кто решает, что я второй?

— Сейчас вы участник номер двенадцать. Время активации. Это не оценка.

— А он восемь.

— Участник восемь десять. В протоколе сокращённо — восемь.

Полина сдвинула стоявший у кровати стакан. Илья заметил, что она внимательно избегает смотреть на зелёный прямоугольник, которым он стал после просьбы.

— Кто дал разрешение? — спросил он.

— Это проверяется.

— Она дала? — Он кивнул на врача.

Астахов сохранил ровное выражение лица. Полина ответила сама:

— Я отвечаю за вашу медицинскую часть. История разрешений будет передана на проверку.

— Вы знали, когда разбудили меня?

На этот раз пауза была заметной.

— Центральное подтверждение пришло после запуска адаптации.

Каждое слово могло оказаться правдой. Вместе они ничего не объясняли.

Астахов рассказал, что семейные счета временно ограничены, но жене оставлен доступ к текущим расходам; что спорные вещи из квартиры нельзя выносить без фиксации; что встречи с дочерью до заседания согласуются с Верой. У Ильи есть право на независимого представителя. Дежурный юридический центр принимает бесплатно.

— Бесплатно — сколько минут?

— Сколько потребуется для первого заявления.

— Хорошее ограничение.

Астахов не улыбнулся. У него был измятый воротник и старый ожог у основания указательного пальца. Илья смотрел на этот ожог: человек однажды обжёгся и остался жить с отметиной. Илья накрыл ладонью то место, где вчера порезался об ленту.

На стенном экране появились данные временного режима. Оставшееся время показывалось крупно: 167:43:08.

— Вы это уберёте? — спросил Илья.

Астахов убрал. До окончания разговора Илья всё равно мысленно видел цифры.

После регистратора пришла женщина из службы сопровождения. У неё был мягкий голос и папка цвета сливочного масла. Она говорила, что «Мнема» берёт на себя все сложности возникшего случая. Компании важно, чтобы пострадавшие восстановили нормальную жизнь. У Ильи остаётся жильё при отделении, питание, одежда, помощь психолога. Для дома на время выделяют транспорт.

— Для какого дома? — спросил он.

— По согласованному адресу.

Женщина положила перед ним документ. Вверху стояло «Программа добровольной адаптации при разделении преемственности». Илья начал читать с конца, как обычно читал технические задания: там прятались исключения.

«Получатель подтверждает согласие на согласованную коррекцию дезадаптивных эпизодов...»

— Что за эпизоды?

— Последствия пережитого стресса. Вы не обязаны подписывать сейчас.

— А если вообще не подпишу?

Она объяснила, что бесплатная краткосрочная помощь от этого не зависит. Илья попросил копию и перечеркнул поле подписи. Женщина не возмутилась. Спросила, не нужно ли ему принести другой размер обуви.

Когда она ушла, он долго рассматривал свои босые ступни. На правой раньше слегка искривлялся второй палец. Теперь оба ряда выглядели одинаково ровными. Даже обувь придётся узнавать заново.

Полина вернулась ближе к часу. В руках у неё был бумажный пакет с яблоком и бутербродом.

— У нас горячее поздно, — сказала она. — Вы давно не ели.

— Я не давно. Я вчера ел.

— Для вас — да.

Он взял бутерброд. Голод оказался неожиданно сильным, грубым, почти унижительным. Пока он жевал, Полина смотрела в окно.

— Тот тоже ест? — спросил он.

Она повернулась.

— Извините?

— Неважно.

Илья представил, как мужчина из кухни сидит сейчас за его столом, разрезает хлеб на привычные толстые ломти и думает, как избавиться от него, Ильи. Возможно, точно так же ему страшно. Мысль возникла, но удержать её он пока не захотел.

Он снова открыл сообщения Веры. Последнее было отправлено вчера в шестнадцать сорок восемь: «Если удержишься, просто скажи. Соня ждёт».

До этого сообщения он помнил всё.

4. Разрешение

Одежду принесли сорок восьмого размера вместо пятидесятого. Брюки сошлись, и Илья почувствовал раздражение, словно его без спроса сделали немного лучше. Он привык втягивать живот, застёгивая ремень. Теперь ремня не было, брюки держались на мягкой внутренней резинке.

Временная комната находилась через два двора от отделения. Ему предложили коляску до перехода; он отказался и пожалел на первой лестнице. Тело было сильным и неслушающимся. Мышцы выполняли движение на долю секунды раньше, чем он успевал рассчитать его, и знакомый шаг превращался в торопливый чужой.

Девушка на стойке общежития спросила фамилию. Когда он назвал, её глаза на миг задержались на экране. В Нововолжске уже знали. Не все, конечно. Этого хватало.

— Вот карта. Третий этаж. Кухня общая. Если захотите выйти ночью, пожалуйста, не забудьте отметить.

— Я под наблюдением?

— Чтобы не будить вас на обход.

Он извинился. Девушка пожалала плечами, будто услышала не резкость, а обычную просьбу сменить подушку.

Комната оказалась чистой, с высоким окном и видом на глухую стену прачечной. В нише стоял стол; у розетки кто-то оставил маленькую зелёную наклейку. На ней было написано от руки: «Работает, надо сильнее нажать». Илья потрогал край. Наклейка пережила предыдущего жильца, возможно, не одного. Кто-то сердился на эту розетку, а потом позаботился о следующем жильце. Илья поставил пакет на кровать и заплакал.

Это заняло меньше минуты. Он не всхлипывал, только дышал ртом и вытирал ладонью лицо. Смерть сама по себе была недоступна чувству: он её пропустил. Зато видел собственную одежду в прозрачном пакете и женщину, спросившую, кто дал ему её номер.

Позвонил Вере. Она сбросила вызов и прислала: «После разговора с регистратором. Пожалуйста».

Он написал «я люблю тебя» и стёр. Потом написал «я помню всё» и тоже стёр. Неправда. Последние часы он не помнил. Человек на кухне, вероятно, помнил.

От злости снова захотелось есть. Илья вышел к автоматам в холле, выбрал кофе и машинально приложил запястье. Экран мягко сообщил, что платёжный профиль недоступен.

Следом стоял старик с маленьким чемоданом. На его шее виднелась матовая полоса адаптационного пластыря.

— У вас только сегодня? — спросил он.

— Что?

Старик показал на свою шею.

— Вчера. У меня восьмой раз. Каждый раз меняют порядок оплаты. Хотите, куплю?

— Не надо.

— Тут всё равно бесплатное. Надо нажать «социальный». Они его внизу спрятали. Как стыдно стало бесплатно кормить, так вниз и спрятали.

Он нажал нужную строку и уступил место. Кофе полился в картонный стакан. От запаха Илью неожиданно перенесло во вчерашний служебный корпус — туда, где Коровин искал на столе место для телефона.

Память не была обрывочной. Именно это сейчас тревожило сильнее всего.

В три двадцать он приехал на испытательную площадку. Шёл дождь, ещё мелкий. У охраны заедала наружная калитка. Коровин встретил его у лифта и сказал: «Только временный обход. На стенде уже гоняли». Они поднялись на второй этаж, вошли в комнату с низкими

окнами. Там пахло новым линолеумом. На столе лежали два договора — служебный и семейный.

Служебный предусматривал допуск мобильного архивного узла к ограниченной проверке в составе. Илья пролистал условия. Защитный шлюз переводился в обход на девяносто секунд, под контролем ответственного инженера. Коровин показывал схемы. Всё выглядело не так уж необычно: непрерывные запреты делали испытания невозможными, где-то требовалось разрешение живого человека.

Только семейного договора среди технических бумаг быть не должно.

Три полных восстановления на каждого. Вне очереди. Без возрастного коэффициента. Отдельный пункт — погашение подтверждённых расходов на лечение близкого родственника.

Мать ждала замену коленного комплекса четвёртый месяц. Ей предлагали стандартную операцию, но из-за сосудов требовалось наблюдение, за которое клиника выставила счёт отдельно. Она говорила по телефону, что боль терпимая. Илья слышал, как она замолкает, переставляя ногу.

В субботу он заезжал к ней после работы. Привёз продукты, хотя мать просила только забрать из ремонта старый обогреватель. Он решил, что новую вещь купить проще, и вместо починки привёз коробку. Она поблагодарила, но расстроилась: в старом приборе был удобный выключатель, который легко нажимать ногой. Новый требовал наклоняться к панели.

— Я тебе хороший взял, — сказал Илья.

— Я вижу. Спасибо. Только этот тоже работал, провод надо было...

— Его чинить дороже, чем он стоит.

Мать не спорила. Подвинула коробку к стене и пошла ставить чайник. На третьем шаге опёрлась на спинку стула. Он увидел, как побелели её пальцы, и вдруг возненавидел старый прибор, новый прибор, чужую смету и собственную необходимость считать.

За чаем она предложила отложить лечение. Весной, может быть, будет легче. Он спросил, с чего станет легче весной. Мать пожала плечами, как будто сезон мог сам произвести деньги, если назвать его достаточно спокойно.

— У нас по работе сейчас пакет обсуждают, — сказал он тогда. — Семейный. Возможно, помогут с расходами.

Нина Павловна оживилась, потом сразу попыталась скрыть. Спросила, точно ли ему положено. Илья ответил: «Разбираюсь». В этом слове уже было обещание, которое он ещё не имел права давать.

Из комнаты позвонила Соня. Мать передала ему телефон, потому что внучка хотела показать новый рисунок механизма. Илья не успел толком посмотреть — на его собственный браслет пришёл вызов из проекта. Он сказал дочери, что перезвонит вечером. Она ответила обычным «ладно», в котором он услышал досаду, но не задержался на ней.

Куратор говорил приветливо. В воскресенье можно закрыть документы и не тянуть с программой. Илью ценят как человека, способного найти решение в сложной ситуации. Не надо превращать каждую временную настройку в месяц согласований. Техническая группа подготовит материалы, останется посмотреть и подтвердить.

На кухне мать пыталась открыть банку, привезённую им из магазина. Илья взял её, открыл крышку, даже не перестав разговаривать. Он держал открытую банку и слушал, как его называют человеком, которому доверяют. Мать ждала, когда он закончит разговор.

Дома Вера спросила, куда уйдёт часть накопленного. Он ответил, что, возможно, не уйдёт: есть рабочая программа. Она предложила сначала посмотреть условия вместе. Он сказал, что покажет, когда будет готовое. Вера не возражала, занялась ужином. Илья помнил, как обрадовался, что она не стала расспрашивать.

— Что от меня нужно? — спросил он тогда.

Коровин посмотрел в сторону двери.

— От тебя по работе — допуск. Это другой отдел подготовил.

Илья знал, как называются два договора, которые лежат рядом, хотя отношения друг к другу якобы не имеют. Знал ещё до того, как подписал первый.

Терминал предупредил о приложении с расширенными условиями. Он открыл его, увидел жёлтую строку и свернул. Коровин сказал: «Это на случай ручной диагностики». Илья хотел спросить, почему в таком случае не приложена последняя стендовая ведомость. Вместо этого спросил, когда матери перечислят деньги.

Он отхлебнул кофе и заставил себя вспомнить, что было дальше.

В кабинет Полины он приехал чуть позже пяти. По программе полагалась консультация и контрольное архивирование перед любыми вмешательствами. Он думал, что разговор займёт несколько минут: отметить сильный стресс, получить рекомендации, успеть на поезд. Врач спросила, что именно не даёт покоя, и он неожиданно для себя начал говорить о работе слишком подробно.

Не о подписи — о том, что всё время нужно принимать решения без полной ясности. Если ждёшь все бумаги, становишься человеком, который мешает. Если разрешаешь, потом отвечаешь. Полина слушала, иногда уточняла, какие обстоятельства можно изменить прямо сейчас. Он сердился: если бы мог изменить, не сидел бы у неё.

— Вернуться к людям, с которыми договорились, вы можете? — спросила она.

— Могу. Что это решит?

— Я не знаю содержания договора. Спрашиваю о том, что вам доступно. Медицинская помощь не должна заменять действие, которое пациент ещё способен выполнить.

Эта фраза не понравилась. Илья хотел, чтобы специалист помог перестать чувствовать себя плохо, а она предлагала снова заниматься тем, от чего он приехал отдохнуть. Он хотел объяснить ей, что всё сложнее, но так и не смог подобрать слов.

Контрольное сохранение проводили в знакомом кресле, почти таком же, как на рабочих обследованиях. Мягкие датчики, слабое тепло у висков, просьба назвать несколько опорных событий. Отец, Вера у остановки, рождение Сони. Он называл и чувствовал раздражение оттого, что самые важные вещи превращаются в ответы по порядку.

Полина попросила не пытаться отвечать красиво. Контроль фиксирует текущее состояние, не оценку прожитой жизни. Илья сказал, что понимает. Но ему казалось, что врач уже видит, как быстро он свернул приложение к договору.

На экране мигнули цифры. Семнадцать тридцать восемь. Он подумал о поезде и о том, что Вера снова будет сердиться. Врач спросила дату рождения дочери. Он рассказал про пятницу и часы в роддоме, впервые за консультацию улыбнулся. Хорошее воспоминание оказалось легче произнести, чем то, из-за которого приехал.

Дальше контроль завершился. В восстановленной памяти не было ни снятия датчиков, ни выхода из кресла. Он знал по опыту, что должен был встать, поблагодарить, поправить волосы. Но эти обычные движения принадлежали уже времени после семнадцати сорока. Его существование оборвали посреди незаконченного вопроса, а продолжили на другой кровати, где врач сообщила, что он умер.

Старик с чемоданом уже ушёл. Илья стоял у автомата, сжимая стакан с давно остывшим кофе.

Он вернулся в комнату и открыл рабочий кабинет. Временный доступ позволял просматривать личные документы, но не выдавать новые разрешения. Договор нашёлся сразу. На месте приложений была серая строка: «Доступ после верификации подразделения».

Илья нажал запрос. Указал регистрационный конфликт, подтвердил биометрию, дождался ответа: от трёх до пяти рабочих дней. Сегодня понедельник. К пятнице он, возможно, получит сведения о том, что сделал вчера. В следующий понедельник разберут его жизнь.

Вера написала, что разрешает короткую встречу вечером. Дочь пока не решила, будет ли разговаривать. Адрес был их собственный. Илья перечитал сообщение, найдя в нём разрешение прийти туда, где раньше просто открывал дверь.

Он хотел рассказать о договоре. Мог написать прямо сейчас: «Вчера я сделал глупость. Нужно понять, насколько серьёзную». От этой фразы пахло обычной семейной ссорой, той, в которой он когда-то умел выкрутиться: сперва выяснить, потом признать столько, сколько необходимо.

Не сейчас, решил он. Сейчас ей и без того плохо. Сначала надо получить документы.

В новостях появилась фамилия Коровина. «Следствие просит помочь установить местонахождение сотрудника сервисного подразделения». Фотография была сделана для пропуска: вытянутое лицо, слишком близко посаженные глаза, улыбка человека, которого попросили выглядеть дружелюбнее.

За фотографией пошла запись из поезда. Красный контейнер, рывок плеча, кабель в руке.

Илья выключил звук. В тишине было видно только действие — как человек отключает что-то важное. Такого движения оказалось достаточно, чтобы ещё вчерашняя формальность перестала выглядеть безобидной.

Он вернулся к сообщению Веры. Долго держал палец над полем ответа. Потом написал: «Буду к семи».

5. Второе место за столом

Вера вынула из ящика четыре ложки и некоторое время смотрела на них. Нужны были ещё тарелка и кружка. Само по себе это не составляло труда. Она могла накормить внезапного гостя, коллегу, маму Ильи, оставшуюся после обследования. Никогда прежде дополнительная ложка не означала, что придётся переделать всё, что она знала о собственной семье.

С утра она не приготовила ничего. В восемь десять ей сообщили о восстановлении, в девять сорок они уже вернулись домой втроём. Илья стоял в прихожей, расстёгивал новую куртку и извинялся, что напугал. Соня не отходила от него. Тогда Вере показалось, что худшее кончилось.

К полудню худшее обрело ещё одно лицо.

Ночью о гибели сообщили дважды. Сначала автоматическим уведомлением, в котором стояли фамилия, время и просьба ожидать связь с координатором. Вера прочла его стоя у раковины, где остывала вода в кастрюле. Не поняла с первого раза, что это о ней. Фамилия была правильная, но смысл будто относился к человеку с тем же именем в другом городе.

Потом позвонил живой сотрудник. Подтвердил состояние, объяснил начало проверки архивов, попросил сообщить, находится ли несовершеннолетняя дочь под присмотром. Вера ответила «со мной» и вдруг села на пол. Колени просто перестали держать. Координатор продолжал говорить и только через несколько секунд заметил, что она не отвечает.

Она знала, что нужно спросить. Последняя запись, целостность, основание, очередь. Произносила слова по порядку, как на работе. Сотрудник отвечал, обещал уведомление. Ни в одном ответе не содержалось права немедленно обнять мужа.

Соня услышала голос и вышла из комнаты. Увидела мать на полу, телефон возле лица. Вера не смогла подготовить фразу, которой обычно учила родственников пациентов: назвать случившееся ясно, без ложных обещаний. Сказала только: «С папой авария». Дочь замерла у холодильника, положив ладонь на дверцу.

— Он в больнице?

Вера не ответила сразу. Этой паузы хватило, чтобы ребёнок понял больше, чем она успела произнести.

Потом они сидели на диване. Соня спрашивала, можно ли вернуть, Вера говорила, что проверяют. Девочка на каждую новую паузу задавала тот же вопрос другим способом. Есть ли запись? Почему не звонят? Он будет помнить нас? Вера отвечала и чувствовала ярость на все рекламные обещания, в которых смерть давно стала неудобным промежутком между двумя одинаковыми улыбками.

Она не позволила себе плакать, пока дочь не задремала. Потом ушла в ванную, включила воду и заплакала так тихо, что даже не услышала второй вызов. Утром оказалось, что полная пригодная запись есть. Процедура идёт. Семью уведомят после адаптационной оценки.

По дороге в клинику Соня держала её за рукав. Вера попросила не бежать по коридору. Сама шла слишком быстро. В палате муж сидел на кровати и пытался разобраться с застёжкой нового браслета. Поднял голову, увидел их. Улыбнулся — не как в рекламе, а растерянно, привычно виновато, будто опять задержался и не предупредил.

Вера обняла его первой. Слишком крепко, не спросив, можно ли после процедуры. У него по-другому пахла кожа, но он так же положил ладонь ей между лопаток. Она решила, что со всем остальным разберётся потом. Дочь протиснулась между ними, ударила кулаком по его груди и прижалась лицом.

Вера всё ещё помнила, как он положил ладонь ей между лопаток. Смотрела на него сейчас и ждала, что прежнее облегчение вернётся.

Теперь муж, вернувшийся первым, сидел у окна и разбирал присланную регистратором памятку. Дома было тихо. Даже телевизор, который они обычно включали для фона, оставался чёрным.

— Можно я сегодня уйду к Даше? — спросила Соня из дверей.

— Ты хочешь уйти?

— Я спрашиваю, можно ли.

Вера кивнула. Ей хотелось попросить дочь остаться, потому что без неё квартира превращалась в место какого-то чужого взрослого эксперимента. Она не попросила.

— Я позвоню Дашиной маме. До девяти.

Соня задержалась у стола.

— А он придёт?

Вера не уточнила, кого она имеет в виду.

— В семь. Мы будем разговаривать. Ты можешь не выходить.

— А если я захочу посмотреть?

— Тогда посмотришь.

Соня ушла переодеваться. Илья закрыл памятку.

— Мы что, в витрине, чтобы на нас смотреть?

Вера повернулась к нему. Он понял ошибку сразу, ещё до её ответа.

— Она хочет увидеть человека, — сказала Вера. — Так же, как ты сегодня утром хотел увидеть её.

Он провёл ладонью по затылку. Там не было шрама от детского падения с гаража. Вера заметила это в машине и не смогла спросить: ей казалось неприличным проверять вернувшегося мужа по старому рубцу.

В дверь позвонили ровно в семь. Вера сама открыла. На площадке стоял второй Илья с бумажным пакетом. Так приходил бы человек, которому разрешили увидеть ребёнка после развода.

— Привет.

— Проходи.

Она не смогла обнять его. Не смогла даже коснуться локтя. Он заметил и опустил пакет на тумбочку. Внутри были мандарины и набор маленьких шестигранных ключей. Вера посмотрела на пакет и вдруг разозлилась: в кухонном ящике уже лежал точно такой же набор, который утренний Илья успел заказать для дочери.

В прихожей мужчины встретились впервые. Оба шагнули правее, уступая дорогу, затем одновременно левее. На секунду это стало почти смешно. Вера услышала, как Соня за её спиной фыркнула, и сама едва не рассмеялась. Другой Илья тоже улыбнулся — с надеждой, показавшейся ей невыносимой.

— Давайте на кухню, — сказала она.

Рассадить их оказалось невозможно без значения. Привычное место мужа у окна занял тот, кто пришёл утром. Второй остановился у спинки стула, на котором обычно сидела Соня. Дочь отодвинула его ногой, устроилась сама и сразу поднялась.

— Я на табуретке.

— Сиди здесь, — сказали мужчины одновременно.

На этот раз никто не улыбнулся.

Вера поставила чайник. У крана появилась тонкая струйка: как назло, опять потекло соединение. Пришедший Илья машинально подвинул под него губку.

— Я завтра сделаю.

Мужчина у окна посмотрел на него.

— Я уже заказал прокладку.

— Там не прокладка. Резьба на втулке.

— Знаю.

Вера выключила воду. Они могли бы спорить так о кране десять минут, а потом о том, кто лучше помнит поломку. У неё вдруг заболела голова точно между глазами.

— Сегодня никто ничего не чинит.

Соня разглядывала их открыто, по-детски невежливо, но запрещать ей это Вера не могла. Она сама делала то же, только осторожнее. У одного веки были чуть припухшие после адаптации. Другой держал правую кисть под столом. Внешность не отвечала ни на один вопрос. Вера искала разницу и одновременно боялась найти слишком убедительную.

— Ты когда последний раз меня видел? — спросила Соня пришедшего.

— Вчера утром. Ты хотела переделать передачу, потому что...

— Потому что там ось тонкая, — закончила она. — А ты?

Утренний Илья ответил, что помнит её голосовую запись из поезда. Она присылала стук механизма и спрашивала, почему он проскакивает.

— Я не видела ответа, — сказала Соня.

— Не успел.

Вера отвернулась к чайнику. Дочь присылала запись уже после того, как на кухне началась их обычная воскресная ссора: почему папа опять не предупредил, что задержится, почему надо ждать человека, который всегда считает свои дела важнее остальных.

— Я тоже её не видел, — тихо сказал пришедший.

Соня смотрела в стол. Для неё четыре с небольшим часа разницы в памяти оказались промежутком, внутри которого кто-то получил её сообщение, а кто-то нет. Вера повернула кружку ручкой к дочери. Соня даже не заметила.

— Спроси что-нибудь, что знаю только я, — предложил мужчина у окна.

Пришедший поднял голову.

— Это бессмысленно.

— Я не тебе.

— Я всё равно знаю.

Соня быстро встала. Табуретка стукнула об пол.

— Я не буду вас проверять.

Она ушла в комнату, не хлопнув дверью. Это было хуже хлопка. Вера подождала, пока щёлкнет замок, и села.

— Больше так не делайте. Ни один. Если вам нужна проверка, идите к специалистам. Здесь живёт ребёнок.

Пришедший хотел ответить, но передумал. Второй смотрел в свою кружку.

Вера оглянулась на закрытую дверь дочери. Ещё минуту назад оба ждали, что ребёнок рассудит их. Теперь мужчины молчали, и жалко было обоих. Она потёрла переносицу и придвинула к себе памятку регистратора.

Разговор продолжился о простом: сколько времени нужно на следственные действия, где будет жить пришедший, как разговаривать с Соней. Вера предложила временный порядок. Они соглашались слишком быстро, будто в каждой согласии можно было заработать очко.

Когда она ушла к дочери, мужчины остались в коридоре. Тот, кто пришёл, надевал куртку. Другой стоял возле шкафа.

— Не называй её Пуговицей, — сказал он.

— Она моя дочь.

— И моя.

Пришедший застегнул молнию. Она заела, и он дёрнул сильнее. Точно так же, как дёрнул бы его двойник.

— Тогда почему ты говоришь так, будто я её у тебя украл?

Ответа не было. За стеной Вера услышала этот вопрос и замерла, не донеся до дочери стакан воды.

6. Две подписи

Первую совместную сверку назначили на утро вторника. Илья пришёл раньше и сел так, чтобы видеть дверь. Он плохо спал, просыпаясь от отсутствия привычного давления: Вера всегда передвигалась ночью на его половину кровати, а он неосознанно уступал. Временный матрас оставался свободным до самого края.

Второй появился без опоздания. Нёс тот же прозрачный пакет с медицинскими документами, только аккуратно сложенный вдвое.

— Ты ел? — спросил он, присаживаясь.

Илья посмотрел на него.

— Что?

— Тут требуют натошак. У тебя в памятке было?

— Было.

Они замолчали. Даже обычная забота между ними звучала неуместно, как чужая реплика, случайно попавшая в разговор.

Эксперт оказалась женщиной лет шестидесяти с тяжёлыми очками. В отличие от сопровождающих из «Мнемы», она не пыталась придать происходящему дружелюбный вид. Назвала себя Инной Борисовной Ланской, сообщила, что назначена реестром и не состоит в штате клиник. Обоих попросила сесть по разные стороны стола.

— Я проверяю происхождение записей. Не человеческую ценность. Пожалуйста, не отвечайте друг за друга.

Она вывела на экран две длинные строки. Илья машинально начал искать отличия. Строки совпадали только в нескольких блоках.

— Разные файлы, — сказал он.

— Разное время фиксации. Один организм до архивирования. Одна исходная цепочка. Обе медицинские активации технически действительны. Законность выдачи второго разрешения проверяется отдельно.

— Какой последним делал сохранение?

— Вы оба имеете отношение к одному человеку. Последняя по времени запись у участника восемь. Двадцать один пятьдесят шесть.

Другой Илья чуть заметно выдохнул. Он придвинул свой пакет ближе к середине стола.

— Это не определяет решение суда, — добавила Ланская.

Она задавала вопросы о детстве, работе, недавних встречах. Когда другой говорил о переезде из старой квартиры, Илья чувствовал, как воспоминание идёт рядом с чужими словами. Почти физически хотелось поправить: грузчики опоздали не на час, на сорок минут. Но тот сам сказал «на сорок» и вспомнил, как Вера сидела на коробке с посудой и ела холодную гречку из кастрюли. Илья смотрел на его руку, лежащую на столе, и перестал искать в ней чужой жест.

Потом дошли до воскресенья.

— Я подписал ограниченный допуск, — сказал Илья. — На тест узла. С Коровиным.

— Где?

Он назвал адрес, этаж и комнату. Другой слушал, всё сильнее поджимая губы.

— После обеда, — продолжил Илья. — В три двадцать приехал. Подписал примерно через час.

— Нет, — сказал другой.

Ланская подняла ладонь.

— Ваша очередь будет.

— Я там был, но не подписывал. Не было последней ведомости. Без неё я не мог разрешить обход. Я сказал Коровину, чтобы он...

— Чтобы что?

Теперь уже Илья перебил, и Ланская отметила это прикосновением к экрану.

— Чтобы принёс отчёт. Он сказал, что отчёт у начальника. Тогда я отказался.

В комнате стало слышно, как в коридоре кто-то катит стул на колёсах. Илья помнил это место. Помнил вопрос про стендовую ведомость, который не задал. Теперь слышал собственный голос, уверенно произносивший именно то, что следовало сделать.

— Тебе удобно так помнить, — сказал он.

— А тебе удобно меня обвинять.

Ланская развернула к ним экран с записью заседания.

— Вот сейчас вы оба дали показания, которые допускают проверку. До проверки не делайте заключений о причинах расхождения.

Она попросила описать комнату. Они по очереди называли рыбку на двери лифта, синий скол на подоконнике, пустой стакан из-под кофе. Другой даже вспомнил, что у Коровина не закрывалась молния на кармане жилета. Илья тоже это помнил.

Различалось одно движение. В одном прошлом рука легла на сенсор. В другом отодвинула терминал.

— Могли повредиться данные? — спросил другой.

Ланская ответила, что при случайном повреждении редко получается связная удобная замена события. Но «редко» не означало «невозможно» и тем более не указывало виновного.

— У меня был ожог, — неожиданно сказал другой Илья.

Он посмотрел на левую кисть. Она была целой.

— В поезде. Я держал дверцу отсека. Там нагрелся металл. Помню, что салфетка сразу прилипла. Я ещё подумал: Вера будет ругаться. А потом...

Он замолчал, потому что Илья смотрел на него без злости. Другой говорил тише, глядя на целую кожу, и слегка сгибал пальцы, словно проверял, прошла ли боль.

Ланская открыла разрешённый следствием отрывок записи. Время — двадцать один пятьдесят три. Мужчина в серой куртке прижимал ладонь к ребру двери, потом встряхивал рукой и просил у проводницы воду. Из динамика прозвучало знакомое «не надо спиртом».

— Это событие подтвердилось, — сказала эксперт. — О конкретном подписании допуска оно ничего не сообщает.

Илья снова посмотрел на чужую левую руку и попытался представить боль, которую помнил другой.

После сверки они вышли на улицу вместе. Дождь кончился; из водостока через равные промежутки падала крупная капля.

— Тебе какое сохранение дали? — спросил другой.

— Семнадцать сорок.

— Уже у врача?

— Да.

— Помнишь, что там делали?

— Я ушёл... — Илья остановился. — Нет. До процедуры только. Я ничего после не помню.

Другой посмотрел на него, и на этот раз в его лице было удивление без враждебности.

— А я вообще не помню, чтобы у неё был.

У обоих одновременно завибрировали браслеты. Они опустили глаза с одинаковой быстротой.

«Семейная программа обеспечения преемственности активирована. Получатели: Воронцов И. В., Воронцова В. А., Воронцова С. И. Сопутствующие обязательства исполнены».

Отправлено в воскресенье в восемнадцать ноль две. Получено после устранения задержки.

— Что это? — спросил другой.

Илья знал ответ. Он видел договор на столе возле технического допуска. Чужая рука подняла терминал так, что оба могли прочесть одну и ту же строку. Некоторое время Илья не мог заставить себя произнести ни слова.

7. Первый вернувшийся

В квартире пахло мандаринами, которые принёс вчера другой. Кожура лежала в миске на столе, Соня зачем-то скатала из неё две трубочки. Утренний Илья поймал себя на желании выбросить их именно потому, что фрукты купил не он. От этой мысли сделалось стыдно.

Он вымыл миску, потом поставил её на прежнее место. Начать с порядка было проще, чем с разговора.

Вера уехала в отделение — не на смену, а обсудить с заведующей перенос дежурств. Соня пропустила школу. Классная прислала длинное соболезнование, не успев узнать, что траур успел смениться чрезвычайной ситуацией другого рода. Потом прислала извинение. После третьего сообщения Вера попросила её пока ничего больше не писать.

Илья постучал в комнату дочери.

— Не заперто.

Она сидела на полу. Перед ней лежала разобранная механическая птица — учебная модель, которую они строили почти месяц. Крылья раскрывались за счёт системы шестерён. Левая передача проскакивала, и вся птица клевала носом, словно старалась пробить ковёр.

— Можно?

Соня пожала плечами.

Он опустился рядом. Колено согнулось легко, без обычного щелчка. Дочь услышала отсутствие звука, подняла взгляд.

— Больше не хрустит?

— Пока нет.

— А если ещё раз?.. — Она не договорила.

— Я не знаю.

Соня перевернула механизм. Отвёртку держала слишком близко к жалю. Он хотел поправить, но вспомнил вчерашнее лицо Веры и промолчал.

— Ось поменяем, — предложил он.

— Ты уже говорил.

— Вчера?

Она посмотрела исподлобья.

— В воскресенье. И он вчера. Вы оба всё время говорите одно и то же.

Илья почувствовал, как обида поднимается быстрее, чем он успевает разобраться, на что имеет право. Он вернулся. Не делал ничего плохого. Горел поезд, он пытался удержать раскалённую дверь, потом ничего не было — и вот он здесь, сидит на полу возле ребёнка, который устал от его существования.

— Я хотел помочь.

— Я знаю.

Она сказала это искренне, без вызова. От этого возразить оказалось нечего.

Вчера до полудня он успел представить новую жизнь. Сам факт возвращения казался обещанием: теперь станет внимательнее, перестанет пропускать ужины, возьмёт неделю отпуска. Не потому, что виноват, — просто понял, как легко потерять. Он уже заказал дочери хорошие ключи, выбрал прокладку для крана и проверил, когда Вере удобно съездить к его матери. Эти маленькие решения были приятны. Во всех он оставался человеком, который знает, как надо.

Потом появился тот, кто помнил подпись.

До него было утро в машине. Вера вела сама, хотя руки у неё заметно дрожали. Илья предложил пересесть, она коротко ответила, что ему после адаптации нельзя. Соня сзади держала ладонь на его плече, не убирая даже на поворотах. Вера иногда смотрела в зеркало и сразу обратно на дорогу.

Он спросил, когда они ели. Обе ответили, что не голодны. Тогда он предложил остановиться у булочной, которая открывалась рано. Там работала женщина, узнававшая их много лет: Соня летом покупала у неё маленькие слойки. Илья хотел вернуться именно туда, где его узнают без документов.

В булочной пахло тестом и горячим маслом. Вера выбирала слишком долго, хотя всегда брала одно и то же. Соня тянулась к его рукаву. Продавщица спросила, сегодня ли ему на работу, и Илья вдруг не смог ответить. Просто замотал головой, а Вера сказала: «Сегодня отдыхаем».

Они сели у окна. Илья отламывал дочери край слойки. Пальцы не болели. Ожог оставался ощущением прошлого, но ни он, ни Вера пока не хотели подробно говорить о поезде. Существовала еда, вода, тёплый свет на столе. Достаточно было не трогать страшное, чтобы возвращение казалось завершённым.

— Я больше не буду молчать, если задерживаюсь, — сказал он тогда.

Вера посмотрела внимательно. Не простила и не обвинила, просто устало кивнула. Он понял, что дал правильное обещание, и обрадовался возможности начать с него.

Когда приехали домой, в прихожей стояли его вчерашние домашние тапочки. Не те, в которых погиб. Другие, оставленные до выхода. Илья надел их и вдруг сел на тумбочку, потому что простое совпадение размера оказалось сильнее рассказа о восстановлении. Дочь принесла воды, Вера гладила его по волосам. Он дал себе несколько секунд побыть человеком, которому помогают, не стараясь немедленно стать полезным.

Теперь, сидя рядом с разложенной моделью, он вспоминал это утро и понимал: именно его боится потерять. Не квартиру и даже не фамилию. Свидетельство, что его ждали, узнали, обняли без сравнения. Второй пришёл не виновным в этом желании, но оказался между желанием и возможностью считать его единственным.

— Ты можешь пока побыть одна, — сказал Илья.

— Спасибо.

Он встал, придерживаясь за край кровати. Дочь, не поднимая головы, спросила:

— А ты правда ничего не подписывал?

— Правда.

Ему не пришлось задумываться. Он помнил отказ отчётливо, с неловким ощущением, что подвёл Коровина. Алексей закрыл папку и сказал: «Тогда сорвётся запуск». Илья ответил: «Лучше сорвать запуск, чем угробить людей». Слова были правильными, но сейчас он впервые услышал, насколько гладко они звучат.

На кухне он открыл сообщение о семейной программе. Вложение оказалось длиннее, чем обещание на первом экране. В стоимость входила проведённая диагностика, расширенное наблюдение за родственницей и «сопутствующая психокоррекция участника программы».

Илья нажал подробности. Терминал попросил подтверждение. Он подтвердил. Появилась ведомость: консультация, контрольное архивирование, моделирование эпизодической реакции. Медицинское подразделение Зориной П. С.

Время — вчерашнее. Фамилия — его. Счёт оплачен в восемнадцать сорок семь из внутреннего резерва программы.

Он попытался вспомнить врача. Полина с короткими волосами стояла у его кровати после пробуждения? Нет, утром был мужчина с бородой и женщина, которая помогала ходить. Полину он увидел только сегодня на фотографии сотрудника в приложении к документам. В воскресенье он после испытательного корпуса заехал в кафе, потом ждал поезд. Помнил мокрый столик на улице, кофе в бумажном стакане, такси до вокзала.

Между кафе и вокзалом было почти три часа.

Илья посмотрел на часы над плитой. Они отставали на четыре минуты, он всё собирался заменить механизм. На электронных устройствах время шло правильно. Можно было месяцами знать, что часы лгут, и всё равно поднимать на них глаза.

Он начал сообщение Вере: «Тут странный медицинский счёт». Потом увидел, что она печатает, и подождал.

«У вас завтра будут брать дополнительные анализы? На стойке уточняют для пропуска».

«Не знаю», — написал он.

О счёте не сказал. Сначала надо проверить: возможно, обычная ошибка, сведения присоединили к нему из чужого кабинета. Если сейчас рассказать, Вера подумает, что он чего-то не помнит. Тот, другой, сразу этим воспользуется.

Он сохранил ведомость в отдельную папку, которую назвал «Медицина». Это слово не вызывало тревоги. Затем закрыл экран.

Из комнаты дочери донёсся стук. Модель снова упала носом вниз. Илья знал, как исправить передачу. Хотел пойти и сделать это без лишнего разговора. Вместо этого остался сидеть, слушая, как Соня пытается сама.

8. Подозреваемый

Илья, вернувшийся в полдень, пришёл к следователю после обеда. За ночь, первую встречу и утреннюю экспертизу истекли почти сутки. Часы временного режима, которые он запретил показывать на стене, теперь поселились в голове: оставалось меньше ста сорока пяти.

Транспортное управление находилось возле старого речного вокзала. В вестибюле пахло краской и сухой бумагой. Внизу висела фотография восстановленного начальника с подписью «Продолжаем работу». Кто-то положил перед ней искусственную гвоздику — то ли шутку, то ли знак уважения. Илья задержался на секунду и не смог решить.

Павел Ракитин сам вышел за ним. У него были тонкие светлые ресницы, некрасивый разрез рта и голос человека, который не рассчитывает понравиться. Он провёл Илью в кабинет с двумя окнами, одно из которых заклеили плёнкой от бликов.

— Воды?

— Не надо.

Ракитин налил себе, не уговаривая.

— Вы пришли как свидетель. Статус может измениться. Прежде чем начнём, у вас есть представитель?

— Я ещё не выбрал.

Следователь подвинул памятку и предложил время на звонок дежурному адвокату. Илья сперва хотел отказаться, потом увидел в папке свою фотографию и согласился.

Адвокат подключилась удалённо. Звали её Яна Долина, она показала удостоверение и коротко объяснила, какие вопросы он вправе отложить. Ракитин ждал, глядя в окно. Никого не торопил, и именно это внушало опасение: человек не нуждался в его поспешности.

Сначала говорили о должности. О полномочиях, о порядке ограниченных тестов. Илья объяснил, что допуск к обходу шлюза действует только в пределах утверждённого режима, а изменение схемы подключения требует отдельной проверки. Произнося это, он успокаивался. Здесь существовали определения, границы, последовательность. Он снова был специалистом, а не спорным родственником.

Ракитин дал ему договор, распечатанный на обычной бумаге. Илья узнал раскладку и серый блок внизу. Собственная подпись казалась мелкой.

— Ваш документ?

— Да. Но приложение здесь не всё.

— Мы запросили полную версию. В вашем кабинете она доступна?

— Нет. Подал запрос.

— Сохраните ответ на него. Пожалуйста, ничего не удаляйте.

Илья кивнул. Слова «ничего не удаляйте» прозвучали буднично, но после них он перестал чувствовать себя просто экспертом.

Ракитин включил запись из испытательного корпуса. Камера без звука: двое возле лифта, папка под мышкой Коровина. Илья приложил браслет к панели на его устройстве. Коровин посмотрел в экран, потом похлопал его по плечу. Неловкий дружеский жест. Снаружи всё выглядело даже хуже, чем изнутри.

— Вы передали право временного обхода, — сказал Ракитин. — Обоснуйте необходимость.

Илья рассказал о тесте. О девяноста секундах. О ручном контроле. Следователь уточнил, кто сообщил о стендовой проверке.

— Коровин. Но отчёт должен быть у...

Он остановился.

— Вы его видели?

— Нет.

— Почему выдали допуск без него?

Яна Долина на экране слегка наклонилась вперёд.

— Илья Викторович, можете взять паузу.

Он мог. Это была настоящая возможность, предусмотренная человеком, который защищал его интересы. Но в паузе придётся остаться наедине с вопросом, на который всё равно не появится хорошего ответа.

— Поверил, что проверка проведена.

— Почему?

— Коровин опытный специалист.

Ракитин ничего не сказал. Илья добавил, что процедура оформлялась в обычном порядке. Звучало это так, будто обычный порядок состоял в том, чтобы не проверять сделанное.

Следователь выключил экран. Достал другой лист — список с фамилиями и годами рождения. Илья сначала подумал, что это свидетели.

— Сорок семь, — сказал Ракитин. — Подтверждённая биологическая гибель. По тридцати шести начаты или завершены процедуры восстановления. По одиннадцати действительных оснований для активации сейчас нет. Мы проверяем каждый случай.

Илья прочёл фамилию Суховой Галины Петровны, две тысячи тридцать первого года рождения. Пятьдесят восемь. Возраст матери, когда ей впервые предложили заменить колено. Ниже — Мальков Михаил Андреевич, сорок четыре. Их имена оставались простыми строчками, и именно эта простота мешала поднять глаза.

— Коровин их... — начал он и замолчал.

— Я пока не утверждаю, что сделал Коровин. В сети утверждают много. Вы тоже не спешите.

Ракитин убрал список. Спросил о визите к Полине. Илья ответил, что помнит прибытие, разговор и последнюю отметку времени. Процедуру не помнит.

— Вы знаете, зачем её назначили?

— Консультация по программе.

— Какая программа?

Он ощутил, что ворот чужой рубашки касается шеи. До этого не замечал. Ткань казалась жёсткой, хотя была мягкой.

— Семейная. Восстановление. Там ещё лечение матери.

Адвокат предложила обсудить финансовую часть отдельно. Ракитин спокойно согласился и уточнил, готов ли Илья добровольно передать копию договора, чтобы официальный запрос не занял лишнее время.

Он снова мог отказаться.

— Передам, — сказал Илья.

На экране Яна Долина записала что-то от руки. Настоящая ручка в её пальцах двигалась быстро, но без нажима.

— Последний вопрос на сегодня, — сказал Ракитин. — Что именно вам пообещали за подпись?

Илья хотел сказать, что прямого обмена не было. Никто не произносил «подпишешь — получишь». Два договора просто лежали на одном столе. Он думал об этом, пока следователь ждал. Каждую секунду такое объяснение становилось всё яснее и всё непригоднее для произнесения вслух.

В конце концов он перечислил условия. Все, которые помнил.

Когда вышел, внизу уже зажглись лампы. У фотографии начальника по-прежнему лежала гвоздика. Илья посмотрел на неё, потом достал терминал и набрал Веру.

Она не ответила. Через минуту написала: «Я в отделении. Что-то срочное?»

Илья стоял у дверей транспортного управления, прижимая к боку папку с копией протокола. Он уже знал, что было срочным вчера, и понимал, почему не сказал.

Часть вторая

Человек без вины

9. Цена возвращения

Яна Долина не стала говорить Илье, что всё будет хорошо. Она велела выгрузить договор, платёжные подтверждения и все обращения в подразделение, включая неотвеченные. Потом попросила не обсуждать дело со вторым Ильёй до консультации: у них могли оказаться разные интересы.

— У нас уже разные, — сказал он.

— Я сейчас об уголовно-правовых.

Он сидел в маленькой переговорной юридического центра. На экране за спиной Яны сохранился отпечаток детской ладони, по которому она время от времени проводила салфеткой. Стереть не получалось. Илья смотрел на него, пока она изучала условия семейной программы.

— Деньги матери уже зачислены. Отказ от договора не превратит их в несуществующие, — сказала она. — Но можно отдельно фиксировать ваши намерения вернуть полученное. Не делайте это наугад. Сначала выясним, кому и на каком основании.

— Я не считал, что...

Яна подняла голову.

— Считали ли вы программу связанной с допуском?

Он хотел отделить надежду от знания. Надеялся, что одно не зависит от другого. Знал, зачем два договора принесли в одну комнату.

— Да.

Она записала. Не изменила тон, не посмотрела осуждающе. Илья неожиданно испытал к ней благодарность за то, что признание не превратило его в другого человека на её глазах.

Потом Илья спросил, сколько будет стоить дальнейшая работа. До этого избегал вопроса: пока не названа сумма, помощь можно было считать частью общего устройства, которое обязано его не бросить. Яна открыла порядок оплаты и показала, какая часть срочного представительства покрывается программой правовой помощи при конфликте регистрации. Остальные направления оформляются отдельно. К исходу недели у них будет конкретный перечень, а не бесконечное «потом разберёмся».

— Компания предлагала оплатить независимого, — сказал он. — Это обязательно плохо?

— Нет. Важно, кто ставит задачу, кто получает сведения и может ли плательщик прекратить оплату за вашу неудобную позицию. Иногда такой механизм приемлем. Иногда деньги оказываются поводом. Надо читать, а не выбирать по слову «бесплатно».

Илья посмотрел на свои пальцы. Подписывать сейчас хотелось как можно меньше, но отказ от любого документа тоже лишил бы возможности действовать.

— Если у меня не будет старого счёта, чем платить дальше?

— Сначала определим необходимый объём. Не обещайте всё из страха. И не отдавайте права только для того, чтобы избавиться от расходов на их защиту. Часть обращений можно вести в другой форме, часть помощи предоставляется по отдельным основаниям. Мы это проверим.

Она говорила обыкновенно, как механик, предлагающий сперва выяснить поломку. Илья привык стыдиться нехватки денег сильнее, чем ошибки в расчёте. Теперь приходилось произнести нехватку вслух и убедиться, что от неё человек не становится менее заслуживающим точного ответа.

Яна выдала ему копию соглашения. Он прочёл оплату, полномочия и прекращение поручения до подписи. На экране за её спиной всё ещё оставался след детской ладони. Она заметила взгляд, сказала, что дочка рисовала по стеклу, теперь ничем не берётся. Первый раз за встречу улыбнулась без профессиональной необходимости.

Через час он передал копии Ракитину. Следователь подтвердил получение и переслал сообщение: Денис Сухов, сын погибшей пассажирки, согласен поговорить с человеком, фамилия которого стоит в документе матери. Контакт дан с его разрешения. Илья может отказаться; это не следственное действие.

Он почти отказался. Яна сказала, что не запрещает встречу, но просит не давать обещаний и помнить, что собеседник ничего ему не должен. После этого отказаться стало труднее по другой причине.

Денис жил в доме за автобусным парком. Во дворе сохранились настоящие металлические качели — тяжёлые, облупленные, без ограничителя скорости. У подъезда на скамейке сидела девочка в школьной форме и кормила голубя крошками из бумажного пакета. Илья поймал себя на мысли, что вокруг происходит слишком много обычного для дома, в котором кто-то умер окончательно.

Дверь открыл молодой мужчина в пыльной футболке. За его спиной стоял разобранный шкаф.

— Вы Воронцов?

— Да.

— Который?

Илья секунду смотрел на него.

— Позже вернувшийся.

— Понятно. Проходите. Только тут всё разложено.

В квартире пахло древесной пылью и сладким чаем. На полу лежали полки, рядом винты в блюдце. Денис переставил коробку, освободив стул. Не предложил снять куртку, потом заметил и предложил. Илья сказал, что ненадолго.

— Я тоже так думал, когда начал шкаф разбирать, — отозвался Денис и замолчал. Кажется, он сам удивился обычной реплике, которая получилась вместо обвинения.

Галина Петровна собиралась переехать к нему после операции на кисти. Она библиотекарь, всю жизнь работала руками: книги, каталоги, коробки. Пальцы стали плохо сгибаться. Шкаф привезли из её квартиры, а она поехала забрать оставшиеся документы. В демонстрационный поезд села, потому что билет дали со скидкой участникам новой программы.

Денис показал рекламную страницу. На ней стояли слова «семья под защитой», а ниже — маленькая сноска о непрерывности покрытия. Галина Петровна заплатила за обновление архива, но клинический файл из старого отделения не успели перевести в новый формат допуска. Ей сказали, что в поезде всё завершат. Теперь компания писала, что обязанность по восстановлению не вступила в силу.

— Мне юрист объясняет, что медицинская запись есть, а разрешённого основания нет. Я говорю: так сделайте основание. Он говорит: после смерти нельзя получить согласие. Я говорю: она живая туда ехала и всё подписывала. Он говорит: давайте проверим подпись.

Денис говорил спокойно, даже устало. Гнев, которого ждал Илья, тратился где-то в других разговорах.

— Архив можно ещё...

— Не знаю. Говорят, старый недостаточно полный. Новый отрезок потерян. Сначала «задержка», потом «невозможность», потом «сожалею». Я жду независимое заключение.

Он убрал страницу. На столе осталась фотография: женщина с коротко подстриженными волосами держит открытый зонт, хотя стоит под навесом. Улыбается тому, кто снимает.

Илья вспомнил, как утром подумал о бесплатной новой одежде с обидой. Захотелось немедленно уйти, чтобы Денис не видел его живым и недовольным.

— Я подписал допуск к испытанию узла, — сказал он. — Не к изменению её договора. Я не знал...

Он услышал собственный голос и остановился. Денис молча ждал.

— Я пытаюсь понять, что разрешил, — продолжил Илья. — И что сделали без меня.
— А что разрешили за себя, знаете?

Илья кивнул. Денис смотрел не зло, с вниманием человека, которому важно получить хоть какой-то понятный ответ.

Он показал Илье письмо матери, пересланное несколько дней назад. Она подробно объясняла сыну, почему новый тариф стоит выбрать: «Инженер по безопасности сам оформил на жену и ребёнка. Воронцов, фамилия есть в материалах. У них настоящие технические специалисты, не только продавцы».

Илья перечитал сообщение дважды. Его договор заключили вчера, а фамилия использовалась раньше. Возможно, Коровин или кто-то из менеджеров записал предварительное согласие как состоявшуюся сделку. Это следовало проверить. Но Галина Петровна уже успела поверить, а он успел сделать то, на что рассчитывали.

— Я передам это следователю, — сказал Денис. — Вас предупреждаю, чтобы потом не оказалось, что я тайно что-то собирал.

— Передавайте.

Они некоторое время сидели среди полок. В соседней квартире заработал пылесос. Денис поднял с пола маленький пластиковый уголок, примерил к отверстию, отложил.

— Я не умею шкафы собирать, — сказал он. — Мама обычно сама. Я только держал.

Илья знал, как закрепить заднюю стенку, чтобы конструкция перестала уходить ромбом. Это было так просто, что просьба сама поднялась к губам. Можно я помогу? Помощь заняла бы двадцать минут и дала бы им обоим занятие, за которым не пришлось бы смотреть друг другу в лицо.

Он не предложил.

Перед уходом Денис всё-таки спросил:

— А вас как вернули? Быстро?

— Утром и в полдень.

— Два раза, — сказал Денис. — Да. Я видел.

Он закрыл дверь без рукопожатия. Илья постоял на площадке, слушая, как по ту сторону снова скрипит передвигаемая полка. Потом спустился во двор.

10. Отказ, которого не было

На повторную встречу с Ланской Илья принёс распечатку семейного договора. Другой принёс такой же файл на экране. Они сели в том же порядке, и эксперт, заметив это, предложила поменяться местами. Оба отказались. Она ничего не записала, но Илья почувствовал, что заметила больше, чем следовало.

К ним присоединилась специалист по работе с восстановленной памятью — Ирина Кедрова, невысокая женщина с крупными браслетами. Она положила украшения на край стола, чтобы не звенели при записи. Этот простой жест почему-то вызвал доверие.

— Я не определяю, кто из вас лжёт, — сказала она. — Расхождение воспоминаний и сознательная ложь не одно и то же. Сначала посмотрим, что вообще доступно проверке.

Она дала каждому отдельный лист и попросила изложить встречу с Коровиным от прибытия до ухода. Не описание чувств — последовательность действий, предметы, слова, направление движения. Пока писал один, другой находился в соседней комнате.

Илья почувствовал себя школьником. Карандаш был толстым, не очень острым. Он написал про калитку, лифт, рыбку. Потом про семейный договор. На фразе «я спросил о перечислении денег» рука замедлилась. В прошлый раз он мог перескочить это место, произнести нужное слово и двинуться дальше. Бумага удерживала фразу перед глазами.

Кедрова попросила добавить то, что он сознательно предпочёл не проверить.

— Вы это из протокола знаете?

— Из вашего текста. Вы написали: «Отчёта на столе не было». Значит, отсутствие заметили.

Он дописал про вопрос, который не задал. В соседней комнате кашлянул другой. Так же кашлял отец, прочищая горло перед неприятным разговором. Илья подумал, что они оба получили даже это — привычку человека, давно умершего без архива, потому что при его жизни работа не оплачивала сохранения.

Когда их снова посадили вместе, Кедрова не дала читать чужой лист. Сначала спрашивала отдельно о нейтральном: где стояла чашка, было ли окно открыто, кто последним сел. Совпадения не удивляли, но от их количества становилось неудобно.

— Теперь ключевой эпизод, — сказала она другому.

Тот уверенно описал, как отодвинул терминал.

— Что было дальше?

— Коровин закрыл папку. Разозлился. Сказал, что я срываю запуск.

— Какими словами?

Он повторил. «Ты понимаешь, что теперь весь состав снимать?» Потом собственную реплику: «Лучше сорвать запуск, чем угрожать людям».

Илья посмотрел на стол. Хорошая фраза. Он мог бы её сказать. Ему хотелось, чтобы сказал именно он.

— Вы уверены в дословности? — спросила Кедрова.

— Да.

— В соседних разговорах тоже?

Другой нахмурился. Нет, не во всех. С кем-то у охраны он обменялся словами, но не помнит какими. Коровин спрашивал, холодно ли на улице. Наверное, так. Об отказе он помнил точно.

Кедрова объяснила, что яркое воспоминание тоже может быть ошибочным. Память не воспроизводит видеозапись: в ней пережитое связывается с позднейшими выводами и привычными объяснениями.

— Значит, я всё выдумал? — спросил другой.

— Я сказала, что уверенность не заменяет проверку. Вы хотите от меня больше, чем я сейчас могу установить.

Ланская открыла банковские подтверждения. Деньги за лечение матери ушли до аварии, а семейный договор зарегистрирован с его биометрическим подтверждением. Подпись под допуском тоже проверена. Это не означало, что все приложения соответствуют первоначальным, но факт участия Ильи в оформлении больше не был только воспоминанием.

Другой откинулся на спинку стула.

— Я мог подписать семейное отдельно.

— Могли, — согласилась Ланская. — Мы проверяем последовательность. Полная служебная подпись в шестнадцать двадцать шесть. Оплата по программе позже.

— Он мог... — Другой посмотрел на Илью и замолчал.

Разница между ними возникла после семнадцати сорока. До этого подписывал человек, от которого произошли оба. Обвинить соперника было удобно, пока не требовалось проследить время.

Кедрова предложила сделать паузу. Другой вышел к окну. Илья остался сидеть. Тот, кто помнил отказ, теперь держался за подоконник. Илья оставил его в покое.

— Изменения можно обнаружить? — спросил он.

— Восстановить историю обработки обычно можно, — ответила Ланская. — Прочитать архив как страницу нельзя. Он не содержит папки с названием «плохой поступок». Но изменение связей оставляет признаки. Для выводов нужны клинические материалы и независимая экспертиза.

— Получите?

— При вашем согласии часть — да. Общую историю придётся согласовывать с обоими. Если возникнет спор, решается процессуально. Не корпоративным консультантом и не мной единолично.

Другой у окна достал телефон, посмотрел и спрятал. Илья заметил движение, но не спросил. У них обоих было достаточно причин не показывать экран.

После встречи они спустились в маленький буфет. У Ильи снова не прошла оплата. Другой машинально протянул свой браслет, потом вспомнил. Продавщица молча нажала социальный тариф и дала два чая.

— Мне без сахара, — сказали они одновременно.

Женщина перевела взгляд с одного на другого. Ничего не спросила. За это Илья чуть не поблагодарил её отдельно.

Они стояли у высокого столика, не глядя друг на друга. На краю лежала сахарная крошка. Другой сгреб её пальцем и остановился, не найдя салфетки. Илья подвинул свою.

— Я помню, как отказался, — сказал другой.

— Я слышал.

— Ты думаешь, я специально?

Илья сделал глоток. Чай был горячий, слишком крепкий.

— Не знаю. Сейчас не думаю.

Другой кивнул с таким облегчением, что Илья отвёл глаза. С утра ему хотелось привести сюда соперника и предъявить ему подпись. Теперь они пили чай из одинаковых стаканов, и спорить больше не получалось.

11. Рабочий день Веры

В отделении всё было на прежних местах. Лишняя каталка у служебного входа, пакет с фруктами на сестринском посту, кружка заведующей возле аппарата, на который запрещалось ставить кружки. Вера переоделась и почувствовала себя немного лучше. Она застегнула халат и подошла к первой койке. Здесь она хотя бы знала, с чего начать.

Старшая сестра Лида встретила её в коридоре, положила ладонь на плечо.

— Можешь идти домой. Мы распределили.

— Я пока документы посмотрю. Всё равно приехала.

Лида хотела спросить о мужьях. Вера увидела это по тому, как у неё дрогнули брови. Она хорошо относилась к Лиде и сейчас была благодарна за то, что та не спросила.

На первой койке у окна лежала женщина после адаптации. Из той же аварии. Уже восстановленная, но плохо переносившая нагрузку на вестибулярный аппарат. Муж принёс ей любимые тапочки, и она рассердилась: ей давило над пальцем, хотя размер был верный.

— Я говорю, это ваши, — объяснял он Вере. — Она дома только в них ходит.

— Новые стопы могут немного отличаться. Давайте пока больничные.

Муж посмотрел на тапочки с замешательством. Вера узнала своё утреннее чувство, когда не нашла рубца на затылке Ильи, и быстро отвела взгляд.

Женщина ухватила её за рукав.

— Вы не говорите ему, что я капризничаю. Я просто не привыкла.

— Никто так не думает.

Вера переставила обувь к шкафчику и помогла пациентке сесть.

На соседней койке лежала женщина с полной, но не самой свежей моделью. Последнее пригодное сохранение сделали почти три месяца назад. Поздние обновления оказались неполными, и семья после консультации выбрала восстановление по надёжному архиву. До катастрофы у женщины успел родиться внук. В её памяти дочь ещё ходила беременной.

Вера принесла ей воду как раз в тот момент, когда на терминале появилось крошечное красное лицо в белой шапочке. Дочь за кадром говорила слишком громко и радостно: «Мам, посмотри, какой он уже. Вот так голову держит». Пациентка улыбалась, но пальцы на одеяле лежали неподвижно.

— Ты же обещала позвонить, когда начнётся, — сказала она.

Дочь на секунду замолчала, потом ответила, что звонила. Мама приезжала в роддом, держала его, даже принесла не ту распашонку. Она всё расскажет, фотографии есть.

Пациентка кивала. Ей показывали доказательства собственного счастья, которого она не могла вспомнить. Вера захотела уйти, но женщина придержала её за рукав и попросила остаться, пока они завершат разговор. Дочь увидела медсестру, поблагодарила за помощь, пообещала приехать завтра.

Экран погас. Женщина ещё немного смотрела на чёрную поверхность.

— Я его любила? — спросила она.

— Спросите дочь. Наверняка расскажет.

— Она говорит, очень. Я сама ей каждый день звонила. А сейчас мне показывают ребёнка, и я вижу, что он хороший. Маленький. Но вот чтобы сразу...

Она неловко шевельнула рукой, словно пыталась подобрать жест вместо слова. Вера придвинула ей воду.

— Вам не нужно чувствовать всё по приказу. Вы с ним познакомитесь.

— Дочь обидится.

— Можно объяснить, что скучаете по тому, чего не помните. Это не одно и то же, что не хотеть увидеть.

Женщина отпила, поморщилась: вода уже успела согреться.

— Я хотела готовиться к рождению. Плед там покупала. А теперь он уже есть, и я опять опоздала.

Вера не нашла ответа, который исправил бы три месяца. Помогла поправить подушку, спросила, хочет ли женщина оставить фотографию на экране. Та сначала отказалась, потом передумала:

— Пусть остаётся. Я посмотрю ещё.

У поста Лида спросила, как она держится. Вера хотела сказать «нормально», но вспомнила пациентку и ответила, что плохо, хотя работать может. Лида кивнула, предложила посидеть десять минут без телефона.

На посту её догнал молодой санитар. Он дважды переставил руки на ручке тележки, прежде чем решился:

— Вера Александровна, там про вашего... В общем, если что-то нужно, вы говорите.

Она поблагодарила. Он покраснел, покатил тележку дальше. На её нижней полке лежали чьи-то ботинки в пакете с биркой. Вера раньше не замечала, сколько в больнице вещей, которые продолжают ждать владельца.

Она открыла рабочий кабинет, чтобы подтвердить перенос дежурства. В разделе подписей стояло новое уведомление: внешний запрос на подтверждение консультационного участия. Отправитель — центр памяти и восстановления, подразделение Полины Зориной.

Вера нажала, думая, что спрашивают о сегодняшнем состоянии мужа. На экране появилась форма, датированная воскресеньем. Её фамилия стояла возле строки «участие доверенного медицинского лица». Время подтверждения — восемнадцать ноль девять.

В восемнадцать ноль девять она чистила картошку. Соня присылала отцу запись механизма, а Вера попросила убрать звук, потому что от стука заболела голова. Илья не приехал к обещанному ужину. Она помнила холодный край раковины под ладонью. А на экране стояло, что в эту самую минуту она участвовала в процедуре мужа.

Вера открыла технические сведения.

К форме было присоединено подлинное подтверждение её профессиональной аттестации и графическое изображение подписи. Не подпись под всей новой формой — ссылка на ранее заверенный лист участия. В старых отделениях ещё использовали бумажное резервирование, и перенос документа требовал отдельной отметки о контексте. Здесь отметка говорила, что согласие проверено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.